

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Ф.Д. ДЖЕЙМС

БЕССПОРНОЕ
ПРАВОСУДИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс с/с»

P. D. James

A CERTAIN JUSTICE

Перевод с английского *В. Бернацкой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Беспорное правосудие : [роман] / Ф. Д. Джеймс ;
[перевод с английского В. Бернацкой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Ф.Д. Джеймс с/с).

ISBN 978-5-17-170239-7

Процесс по делу Гарри Эша, обвинявшегося в убийстве с особой жестокостью, выигран благодаря блестящей защите адвоката Венис Олдридж. Но вскоре после окончания судебного процесса ее находят в собственном кабинете мертвой, с окровавленной головой.

Адам Дэлглиш, расследуя обстоятельства ее гибели, выясняет: многие не любили молодого удачливого юриста и завидовали ей. А в деле Гарри Эша, которым она занималась, скрыто много тайн, связанных с семьей самой Венис Олдридж. И, похоже, неизвестный преступник не остановится ни перед чем, чтобы они никогда не выплыли наружу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1997

© Перевод. В. Бернацкая, 2015

ISBN 978-5-17-170239-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Книга первая

ЗАЩИТНИК ОБВИНЯЕМОГО

Глава первая

Убийцы обычно не уведомляют своих жертв о готовящемся против них преступлении. И этой смерти тоже, как бы ни ужаснула она жертву в последний момент, все же не предшествовало мучительное ожидание конца. Когда в среду днем 11 сентября Венис Олдридж поднялась, чтобы подвергнуть перекрестному допросу главного свидетеля обвинения в деле «Королева против Эша», ей оставалось жить четыре недели, четыре часа и пятьдесят минут. После ее смерти многие, кто ею восхищался, и немногие, кто ее любил, желая внести личную нотку в общий хор из возгласов ужаса и негодования, невнятно бормотали, что Венис, несомненно, понравилось бы, знай она, что ее последнее дело слушалось в Первом суде Олд-Бейли*, любимом месте, помнящем ее величайшие победы.

И в этом была своя истина.

Первый зал Центрального суда покорила ее с самой первой минуты, когда она пришла туда еще студенткой. Венис всегда старалась контролировать ту часть сознания, которая, как она подозревала, легко оказы-

* Олд - Бейли — Центральный уголовный суд в Лондоне. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вается в обольстительных сетях исторических традиций, и все же не могла сопротивляться элегантности этого зала, обитого деревянными панелями, и самой атмосфере, которая ее окрыляла, принося одно из сильнейших наслаждений, которые давала профессия. Размеры и пропорции зала говорили об удивительном чувстве меры; гербы с богатой резьбой над столом председателя и великолепный, изготовленный в семнадцатом веке Меч Правосудия, висящий чуть ниже, выглядели столь же достойно; казался интригующим и контраст между свидетельской трибуной под навесом, выглядевшей как кафедра проповедника, и широкой скамьей для подсудимых напротив судьи. Как все места, идеально приспособленные для нужных целей, где присутствует все необходимое, и нет ничего лишнего, оно пробуждало чувство покоя и даже вызывало иллюзию, что человеческими страстями можно управлять. Однажды, когда, любопытства ради, Венис поднялась на общую галерею и некоторое время сидела там, глядя вниз на пустой зал, ей пришло в голову, что только здесь, где зрители сидят плотно, как сельди в бочке, воздух пропитан ужасом, надеждой и отчаянием.

И вот она снова в любимом зале. Венис не ожидала, что это дело будет слушаться в самом престижном суде Олд-Бейли и вести его будет член Высокого суда, но случилось так, что предыдущий процесс отменился, и расписание судьи и определение места заседания было пересмотрено. Она сочла это хорошим знаком. У нее были и поражения в этом зале, но горечи они не оставили. Да и побед здесь было значительно больше.

Сегодня, как и всегда, Венис не смотрела в сторону судьи, присяжных, свидетелей. Она редко переговаривалась со своим помощником или с юристом Эша, сидящим впереди, и никогда ни на минуту не заставляла

себя ждать, когда надо было извлечь из кипы бумаг единственно нужную. Ни один защитник не входил в зал суда подготовленный лучше, чем она. На своего подзащитного Венис тоже редко смотрела, а если и поглядывала, то незаметно, лишь слегка повернув голову к скамье, на которой он сидел. Однако ни на секунду не забывала о его молчаливом присутствии, как не забывали о нем и члены суда. Гарри Эш, которому на момент суда был двадцать один год и три месяца, обвинялся в убийстве родной тетки, миссис Риты О'Киф, найденной с перерезанным горлом. Один точный удар был роковым. Остальные множественные раны на полюбуженном теле были нанесены словно в приступе безумия. Часто при совершении особенно жестокого убийства обвиняемый кажется окружающим слишком заурядным человеком, неподходящим кандидатом для такого страшного преступления. Но в данном случае во внешности подсудимого не было ничего заурядного. Чтобы воссоздать в памяти черты лица молодого человека, Венис не нужно было лишний раз на него смотреть.

У подсудимого были черные волосы, глаза, хмуро взиравшие на мир из-под прямых густых бровей, большой рот, тонкие, упрямо и жестко сложенные губы, заостренный нос. Длинная и тонкая шея придавала его голове вид жреческой хищной птицы. Эш не ерзал на месте и вообще почти не двигался, просто сидел с прямой спиной посередине скамьи с охранниками по бокам. В сторону жюри присяжных, слева от него, почти не глядел. Только раз, во время вступительного слова обвинителя, Венис заметила, что он посмотрел вверх, где сидели зеваки, взгляд его презрительно скользнул по рядам, как бы оценивая, какого рода аудиторию он привлек, а потом снова перевел взгляд на судью. Но в его неподвижности не было никакого напряжения.

Напротив, он производил впечатление человека, привыкшего к публичности, и вел себя как юный князек в окружении придворных на народном празднике, где, не получая никакого удовольствия, просто отбывал повинность. А вот присяжные, обычная «сборная солянка» из мужчин и женщин, призванных разобраться в этом деле, показались Венис странно подобранным сбродом. По меньшей мере четверо из них — в джемперах и рубашках с открытым воротом — выглядели так, словно собрались помыть машину. Обвиняемый по контрасту был одет с иголки — в темно-синий костюм в полоску и рубашку такой ослепительной белизны, что ее можно было использовать в рекламе стирального порошка. Костюм был хорошо отутюжен, хотя и плохо скроен: из-за подкладных плеч атлетическое молодое тело казалось по-юношески нескладным. Неплохо задумано: костюм говорил о чувстве собственного достоинства владельца и одновременно о его эмоциональной ранимости — на этом сочетании Венис и собиралась сыграть.

К Руфусу Мэтьюсу она испытывала уважение, но не симпатию. Цветистое красноречие устарело, да и прежде не было присуще обвинению, но Руфус любил побеждать. Он заставит ее сражаться за каждый пункт. В своем вступительном слове обвинитель изложил суть дела кратко и бесстрастно, словно хотел подчеркнуть, что все настолько ясно, что не требует особых пояснений.

Гарри Эш жил с миссис Ритой О'Киф, теткой по материнской линии, в доме номер 397 по Уэствэй в течение года и восьми месяцев до ее смерти. Детство Гарри прошло в приютах, откуда его восемь раз забирали разные приемные родители, но потом возвращали обратно. Повзрослев, он бомжевал в Лондоне, какое-то время работал в баре на Ибице, а потом переехал к тет-

ке. Отношения между племянником и теткой вряд ли относились к разряду нормальных. Миссис О'Киф любила развлекаться с мужчинами, а Гарри — то ли по принуждению, то ли по собственному желанию — фотографировал их сексуальные игры. Эти фотографии прилагались к делу.

В вечер убийства, 12 января в пятницу, миссис О'Киф и Гарри видели с шести до девяти в ресторане «Герцог Кларенс» в Косгроув-Гарденс в полутора милях от Уэствэя. Между ними произошла ссора, и Гарри вскоре после девяти покинул ресторан, сказав, что идет домой. Тетка осталась и продолжала пить. Около половины одиннадцатого ее отказались обслуживать, и двое друзей усадили женщину в такси. К этому времени она уже лыка не вязала. Однако мужчины рассудили, что от такси она доберется до квартиры на своих ногах. Таксист высадил ее у дома и видел, как в десять сорок пять она вошла в калитку.

В десять минут первого в полицию позвонил Гарри Эш и рассказал, что, вернувшись с прогулки, обнаружил в доме мертвое тело. Полиция приехала уже через десять минут. Почти полностью обнаженная миссис О'Киф лежала на диване в гостиной с перерезанным горлом. После смерти тело, видимо, продолжали половосовать ножом, нанеся в общей сложности девять ран. По мнению судебного патологоанатома, осмотревшего труп в двенадцать сорок, миссис О'Киф умерла вскоре после возвращения домой. Не было никаких следов взлома и ничего, что наводило бы на мысль о попойке или о визите ночного гостя.

В ванной на душевом кране обнаружили кровь миссис О'Киф, еще два кровавых пятна отыскивались на лестничном ковре. Примерно в ста ярдах от дома, под живой изгородью, нашли большой нож. Подсудимый и уборщица признали по треугольному сколу на руко-

ятке нож из кухонной утвари миссис О'Киф. Отпечатков на нем не было.

Полиции подсудимый рассказал, что после ресторана долго гулял по улицам в районе Уэствэя и, вернувшись домой только после полуночи, нашел тетку убитой.

Однако обвинитель заявил, что суд заслушает показания соседки, которая, по ее словам, видела, как Гарри Эш выходил из дома в вечер убийства в 23.15. По версии государственного обвинения, Гарри Эш из ресторана сразу пошел домой, дождался тетку и, находясь, возможно, тоже без одежды, зарезал ее кухонным ножом. Затем принял душ, оделся и вышел из дома в 23.15, чтобы обеспечить себе алиби.

Заключительные слова Руфуса Мэтьюса были по сути формальные. Если присяжных убедят свидетельства вины Гарри Эша, их долг вынести вердикт: виновен в убийстве миссис Риты О'Киф. Но если в конце процесса у них останутся достаточные сомнения в его вине, тогда подсудимого следует оправдать.

Перекрестный допрос Стивена Райта, хозяина «Герцог Кларенс», на третий день суда прошел для Венис, как она и ожидала, довольно легко. На свидетельскую трибуну он взошел с самодовольным видом человека, решившего показать всем этим ученым «парикам» и «алым мантиям», что он не робкого десятка, а небрежно произнесенная им присяга ясно показывала пренебрежение к устаревшему ритуалу. На его сальную усмешку Венис ответила долгим холодным взглядом. Обвинение вызвало Райта, чтобы подтвердить слова очевидцев о том, что в ресторане между миссис О'Киф и племянником установились напряженные отношения, и женщина, казалось, побаивалась своего племянника. Но Райт был неубедителен и пристрастен и не смог противостоять другим свидетелям, говорившим,

что Эш мало пил и мало говорил. «Да, он вел себя тихо, — сказал Райт, высокомерно повернувшись к жюри. — Но это молчание сулило беду. И все время смотрел на нее этим своим жутким взглядом. Чтобы вызвать страх, ему не надо пить».

Венис получила удовольствие от этого перекрестного допроса и, когда Стивена Райта отпустили, не смогла удержаться от сочувственного взгляда на Руфуса, который поднялся, чтобы как-то смягчить неприятный осадок от показаний свидетеля. Оба знали, что последние несколько минут украли нечто большее, чем веру в одно свидетельское показание. Всякий раз, когда свидетель обвинения демонстрирует свою несостоятельность, тень недоверия падает и на само обвинение. Венис знала, что с самого начала обладает преимуществом: жертва не вызывала инстинктивного сочувствия. Покажите присяжным фотографию подвергшегося насилию мертвого ребенка, хрупкого, как только что оперившийся птенец, и некий атавистический голос обязательно шепнет им: «Кто-то должен за это ответить». Жажда мести, которую так легко спутать с требованием справедливости, всегда работает на обвинение. Присяжным не хочется осудить невиновного, но им нужно кого-то наказать. Свидетелю обвинения часто верят, потому что хотят этого. Но фотографии, сделанные полицией, на которых был виден дряблый, развалившийся живот, раскинутые груди и рассеченные сосуды, вызывали, по ассоциации со свиной тушей, подвешенной на крюк мясника, скорее, отвращение, чем сочувствие. Эти снимки полностью уничтожили ее как личность. Именно тут кроется трудность в деле об убийстве: жертва не может защитить себя. Рита О'Киф была непривлекательной, сварливой, пятидесятипятилетней пьяницей с непреодолимым влечением к джину и сексу. Четверо присяжных были молодыми людьми, двое

только-только достигли нужного для выполнения этой обязанности возраста. Старость и некрасивость отталкивают молодых. Их внутренний голос пробормочет что-то вроде: «Сама доигралась».

И вот сегодня, на второй неделе и седьмом дне судебного процесса, пришло время решающего, по мнению Венис, перекрестного допроса главного свидетеля — соседки жертвы, миссис Дороти Скалли, шестидесятидевятилетней вдовы, той самой женщины, которая сказала полиции, а теперь и суду, что видела, как Гарри Эш выходил из дома номер 397 в 23.15 в ночь убийства.

Венис наблюдала за женщиной на первоначальном опросе свидетелей и отметила ее сильные и слабые стороны. Она узнала все, что ей требовалось. Миссис Скалли была стеснена в средствах, но не бедствовала, обычная вдова, живущая на пенсию. В конце концов, Уэствэй — благополучный район, где надежные, законопослушные представители нижней прослойки среднего класса живут в собственных домах, испытывая чувство гордости за безукоризненно чистые кружевные шторы и ухоженные лужайки, каждая из которых личная победа хозяев над тусклой повседневностью. Но теперь этот район сносился, он утопал в удушливых облаках коричневатой-желтой пыли, он был обречен. Работы по расширению дороги неумолимо продвигались вперед, и на старом месте осталось лишь несколько домов. Даже протестные объявления на досках, отделявших пустые участки от новой дороги, стали со временем выцветать. Скоро здесь будет лишь гудронированное покрытие да неумолкаемый шум и скрежет потока автомобилей, мчащихся к западу от Лондона. Через некоторое время никто и не вспомнит, что было раньше на этом месте. Миссис Скалли уедет одна из последних. Останутся только хрупкие воспоминания.

Она принесла с собой на свидетельскую трибуну почти уничтоженное прошлое, неопределенное будущее, респектабельность и честность. Слабые средства защиты для противостояния одному из лучших специалистов по перекрестному допросу.

Венис видела, что свидетельница не купила новое пальто для выступления в суде. Новое пальто — слишком большая роскошь, только очень холодная зима или ветхость старой одежды могут оправдать такую покупку. Однако для появления на людях была куплена светло-синяя фетровая шляпка с маленькими полями и большим белым цветком, которая смотрелась несколько фривольно на фоне добротного твида.

Миссис Скалли волновалась, принося присягу, ее голос был еле слышен. Во время дачи показаний судье пришлось дважды наклоняться вперед и вежливо просить старческим голосом говорить свидетельницу громче. Со временем она, однако, обрела некоторую уверенность. Руфус старался помочь ей тем, что иногда повторял вопрос, но Венис показалось, что это больше сбивало свидетельницу, чем помогало. Она также подумала, что миссис Скалли не должен нравиться его слишком громкий и уверенный голос представителя высшего класса и привычка произносить замечания по ходу дела куда-то в воздух над головами присяжных. Удачнее всего Руфус справлялся с недружелюбно настроенными свидетелями. Старая, трогательная, глуховатая миссис Скалли пробуждала в нем задиру. Но она была хорошим свидетелем, отвечала просто и убедительно.

В семь часов она поужинала, а затем смотрела видеофильм «Звуки музыки» вместе с подружкой миссис Пирс, живущей в пяти домах от нее. У нее самой нет видеомэгнитофона, но подруга раз в неделю берет напрокат кассету и обычно приглашает ее в этот вечер,

чтобы посмотреть фильм вместе. Она, как правило, не выходит по вечерам из дома, но миссис Пирс живет так близко, что пройти небольшое расстояние по освещенной дороге не так уж и страшно. В точности названного времени она уверена. Когда фильм закончился, подруги отметили, что он шел намного больше, чем они ожидали. Часы на камине показывали десять минут двенадцатого, и она посмотрела и на собственные часы, удивившись, что время пролетело так быстро. Гарри Эша она знает с того времени, как он поселился у своей тети. У нее нет никаких сомнений в том, что именно он вышел из дома номер 397. Молодой человек быстро прошел по садовой дорожке и, выйдя на улицу, свернул налево, тем самым удаляясь от нее. Миссис Скалли удивило, что он так поздно покинул дом, и она некоторое время стояла и смотрела ему вслед, пока молодой человек не скрылся из виду. Только потом она вошла в свой дом под номером 396. Нет, она не помнит, горел ли свет в соседнем доме. Впрочем, ей кажется, что там было темно.

В конце проводимого Руфусом допроса Венис передали записку. Должно быть, Эш подал сигнал своему юристу, и тот подошел к скамье. От него записку передали Венис. Там черной шариковой ручкой было написано твердым, прямым, убористым почерком следующее: «Спросите, какие очки были на ней в ночь убийства».

Венис не оглянулась на подсудимого. Она интуитивно чувствовала, что наступил тот момент, от которого зависит исход дела. Это следовало из первого постулата перекрестного допроса, который она усвоила еще на стадии ученичества: никогда не задавай вопроса, если тебе неизвестен ответ. У нее оставалось пять секунд, чтобы принять решение. Если она задаст этот вопрос и не получит нужного ответа, Эш погиб. Одна-

ко Венис не сомневалась в двух вещах. Во-первых, она знала: Эш не написал бы записку, если бы не был уверен в правильности вопроса. Во-вторых, нужно непременно посеять сомнения в отношении свидетельницы. Показания, данные честным и искренним человеком, убийственны для ее подзащитного.

Венис сунула записку под бумаги, словно это было что-то несущественное, к чему можно обратиться позже, и не спеша поднялась со своего места.

— Вы хорошо меня слышите, миссис Скалли?

Женщина кивнула, прошептав «да». Венис ей улыбнулась. Этого достаточно. Вопрос, ободряющая улыбка, теплые нотки в голосе говорили: я тоже женщина, мы на одной стороне. Этим напыщенным мужчинам нас не запугать. А меня бояться нечего.

Венис спокойно и благожелательно вела допрос, и потому, когда она собралась вонзить свидетельнице нож в спину, та ни о чем не догадывалась. Да, она слышала голоса ссорящихся людей, один — мужской, другой — с ирландским акцентом, безусловно, принадлежал миссис О'Киф. По ее мнению, мужчина был один. Миссис О'Киф часто принимала у себя друзей-мужчин. Или точнее будет назвать их клиентами? Уверена ли она, что мужской голос принадлежал Гарри? Нет, не уверена. Венис как бы невинно предположила, что неприязнь к тетке могла невольно перейти и на племянника, заставив соседку предположить, что он мог там быть. Миссис Скалли не привыкла к такому соседству.

— А теперь, миссис Скалли, перейдем к вашему свидетельству, что в молодом человеке, покинувшем дом номер 397 в ночь убийства, вы узнали находящегося здесь подсудимого. Вы часто видели Гарри, выходящего через парадную дверь?

— Нет, он обычно выходит через черный ход, где стоит его мотоцикл.